„Советская молодежь"
г. Рига
23 АВГ 1970

ВОЛШЕБНИК ЖИВЕТ РЯДОМ

ОЩУЩЕНИЕ, что я делаю что-то нехорошее, не покидало меня ни на минуту. Добро бы были объявлены выступления. Тогда можно было бы изловчиться и взять интервью между делом. А то ведь человек приехал отдохнуть, подышать озоном, побродить по лесу, отвлечься от забот трудного, напряженного года с его неумолимым циклом: репетиция, спектакль, гастроли, телевидение, радио, и опять: репетиция, спектакль... И когда, наконец, выдалась передышка, я уж тут как тут: а расскажите, пожалуйста.., а правда ли, что.., а как вам удается...

— Это очень хорошо, что вы приехали, — сказал Райкин приветливо и с оттенком обреченности.

У Бидструпа есть серия карикатур о сатирике. Мрачный, никогда не улыбающийся человек, он живет в мрачном и неулыбающемся мире. Он суров, желчен, нервозен, он терроризирует семью и держит в страхе редакторов и администрацию театра. Но вот сатирик выходит на эстраду, произносит слово и — зал содрогается от хохота. В основе этих карикатур — парадокс, и, как всякий парадокс, они больше остроумны, чем справедливы. В первые минуты Райкин тоже производит впечатление человека, которому не до шуток. У него несколько усталый вид, печальные глаза и серебристая проседь в черных волосах. Но у него не просто печальные глаза. У него глаза Чарли — в них грусть непостижимо сочетается с открытым детским лукавством. Это глаза человека доброго, веселого но много пережившего и много видевшего. Райкин не случайно вот уже более тридцати лет не расстается с образом Чарли, обогащая его от программы к программе. Нет он никогда не подражал Чаплину, но искусство обоих питают единые корни — боль за человека и любовь к человеку. Как и Чаплин, Райкин может быть очень разным: лукавым, ироничным, саркастичным, злым, даже неистовым — и это все потому, что он очень добрый человек.

— Сатирику не надо выискивать материал для своего искусства, — рассказывает Аркадий Исаакович. **— Ему есть чем заняться. Каждый из нас связан с обществом тысячами нитей: мы работаем, ездим в троллейбусах, добиваемся приема у разного начальства, воспитываем детей, стоим в очередях... Ну, мне, может быть, почти не приходится стоять в очереди в магазине или за справкой в домоуправлении — телевидение (вот поистине «проклятое» изобретение) сделало лицо актера популярным — мне стараются оказать подчеркнутое внимание, любезность. Мое положение имеет часто то преимущество, что дает возможность увидеть отношения между людьми в идеале. Когда в гастрольной поездке я прихожу обедать в ресторан, я на себе испытываю, как могут в этом ресторане обслужить посетителя; а наблюдая, как обслуживают сидящих за соседним столиком, постигаю разницу между идеалом и реальностью.**

Весной этого года в Ленинграде мы показали новый спектакль нашего театра «Плюс-минус». Его главная тема — равнодушие. Его истоки и разрушительные последствия. Это попытка исследования равнодушия как социальной проблемы. Почему люди проходят мимо там, где необходимо остановиться. Почему не вмешиваются там, где необходимо вмешаться. Почему молчат там, где требуется говорить. Тысячи почему. Это разговор о маненкенстве, о фикции присутствия и явлениях мимикрии, камуфляжа в нашей жизни. Мы задаем тысячи почему, но не навязываем ответов. Мы стремимся пробудить ответ в душе зрителя.

Аркадию Исааковичу Райкину присвоено высшее звание, которым удостаивается актер в нашей стране. Он — народный артист Советского Союза. Но не у многих деятелей искусства звание народного артиста так в[?]ямую выражает истинное место актера в нашей действительности. И дело не только в его невероятной, почти глобальной популярности. Часто приходится слышать: «Ну, это прямо райкинский тип», или «Вот история для Райкина», или даже отчаянное «Райкина на вас нет!» И понимаешь, что, покупая билет на спектакль Ленинградского театра миниатюр, зрители идут не просто посмеяться, отвести душу, но главное — провести вечер с очень близким человеком, пообщаться с ним, получить напутствие. Ведь выступление актера — это никогда не монолог в темноту зрительного зала, а диалог с каждым человеком в отдельности.

— Вот еще одно преимущество актера: со сцены видно гораздо больше, чем из зала. Я обращаюсь к зрителям, зная, что большинство из них — мои единомышленники. Но я вижу и других. Они сидят мрачные и чувствуют себя неуютно. Свое мнение о спектакле они часто присылают в театр по почте. Вообще наш театр получает за месяц писем не меньше, чем популярная газета. Предлагают сюжеты, советуют «пропесочить», сообщают о случаях злоупотреблений. Иногда из одного и того же города приходит по 10—15 писем на одну тему. Приходят и письма, авторы которых узнали себя в персонажах спектакля. По ним можно изучать многообразие эпистолярных жанров. Здесь и опровержения, и патетическая публицистика, и даже анонимное творчество любителей непечатной брани. По ним мы проверяем, насколько точны наши программы Ведь сатира, не задевающая никого — бесплодна. А пафос творчества сатирика в том, чтобы создать атмосферу нетерпимости ко всяким проявлениям зла.

Забавлять, щекотать нервы зрителя, с милой непринужденностью острить, вроде бы намекая на что-то запретное, чего касаться нельзя. Или сражаться смехом четко определив свое «люблю» и «ненавижу». Две противоположные позиции. Райкин придерживается второй и, быть может, поэтому, его искусство перешагнуло границы нашей страны и приобрело горячих поклонников в самых разных странах Европы. В Англии Аркадий Исаакович вместе с актерами театра миниатюр отснял на государственной телекампании Би-би-си две программы. Репертуар, его общечеловеческие темы, виртуозное исполнительское мастерство сделали оба фильма событием в культурной жизни Англии. Вот свидетельство лондонской «Таймс»: «Это было настоящее зрелище, подлинное открытие, такое выступление, которого мы не видели давно. Одна из самых больших заслуг Райкина состоит в том, что он представляет собой полную противоположность отвратительным «смешным до тошноты» комикам, которых мы в таком изобилии импортируем из Соединенных Штатов. У Райкина есть что-то от Чарли Чаплина: удивительная способность живо и наглядно выражать эмоции, способность создавать образы, которые не нуждаются в пояснении. Он обладает даром проникать в самую глубь человеческих чувств...».

Да, феноменальная способность проникнуть в сердцевину человеческого характера и воплотить ее с максимальной полнотой почти в мгновение — удивительный дар артиста. Но Аркадий Райкин — вовсе не «человек со многими лицами», как часто о нем пишут и говорят. Единственное неповторимое лицо артиста — вот что цементирует все тысячи лиц, которых представляет Райкин со сцены. Не случайно каждый номер, построенный на трансформации, он заканчивает одним и тем же жестом: снимает перед зрителями маску своего персонажа.

Индивидуальность артиста — самое дорогое, что есть в искусстве — и именно она привлекает к себе внимание. В декабре 1962 года Аркадия Исааковича пригласили принять участие в Международном фестивале пантомимы в Западном Берлине. Об этом самом трудном выступлении в своей жизни Райкин рассказывает с юмором и как-то удивленно.

— На Международном фестивале пантомимы в Западном Берлине я должен был прочесть доклад о влиянии этого искусства на смежные жанры. Вручив мне билет на поезд, сотрудник Министерства культуры, прощаясь, сказал:

— Да, кстати, возможно, что вам придется выступить в заключительном концерте, прихватите с собой что-нибудь из реквизита.

Я поблагодарил за предупреждение, хотя его можно было бы послать телеграммой в поезд, все равно времени на подготовку не оставалось. Приехав в Берлин, я встретился с нашим послом.

— Надо победить во что бы то ни стало. Это очень важно.

— То есть — как победить?

— В конкурсе. Ведь вы — второй советский актер, который будет выступать в Западном Берлине. Объявлен специальный концерт. Вы — в первом отделении. Марсель Марсо — во втором.

Мы пересекли границу Западного Берлина и направились в Академию искусств, где уже шли конкурсные выступления. В перерыве между выступлениями хозяева фестиваля представили меня зрителям и жюри.

Поднялся шквал аплодисментов, и я понял, что они адресованы не столько мне лично, сколько представителю Советского Союза, впервые принимающему участие в подобном фестивале. Я смотрел на бушующий зал и вспомнил слова посла: «Надо победить». Аплодисменты были авансом, за который надо было дорого платить. Ко мне наклонился один из хозяев фестиваля и, ликуя, сказал:

— Грандиозный успех обеспечен. Интерес чрезвычайно велик. Билеты на ваш первый концерт раскупили в течение двух часов. Кстати, мы не смогли с вами согласовать и уже начали продавать билеты на второй. Он сможет состояться?

— Отчего же. Если сможет состояться первый... Сколько осталось до первого концерта?

Собеседник посмотрел на часы:

— Шестьдесят два часа.

Отступать было невозможно. Я попросил отвезти меня в гостиницу и пригласить переводчика из нашего посольства.

Шестьдесят два часа я не спал. Заказал в номер жбан черного кофе и вспоминал все, что имеет отношение к пантомиме. Учил текст на немецком языке. Я неплохо знал немецкий, когда изучал его в школе. Но школьные знания языка — это одно, а выступать на немецком в Западном Берлине — совсем другое.

Пролетело шестьдесят два часа. И я вышел на сцену. Если бы за два дня до этого мне рассказали, что какой-нибудь зарубежный артист выступал в Москве с концертом на русском языке, который он знал в пределах школьной программы, да и то свыше тридцати лет назад — я бы не поверил. Я улетал из Западного Берлина с чувством изумления. Было такое ощущение, будто я подержался за провод высокого напряжения и почему меня не испепелило — не понимаю до сих пор.

К рассказу Аркадия Исааковича добавлю только, что концерт прошел с огромным успехом. И в центре Западного Берлина был поднят красный флаг Страны Советов — дань уважения советскому участнику фестиваля.

Один из последних спектаклей театра миниатюр называется «Волшебники живут рядом». Рядом с нами живет и Аркадий Райкин, волшебник из страны искусств. Артист говорит, что, глядя на каждого прохожего, можно угадать его профессию, настроение и даже характер. Об актере говорят сыгранные им роли. И вовсе неважно, кого он играет сегодня: умного или глупого, доброго или злого. Он раскрывается в том, что играет, и, наоборот, чего не играет в изображаемом характере. И какую бы уморительную маску ни надевал на себя Аркадий Райкин — из-под нее испытующе глядят в зрительный зал грустные и лукавые глаза замечательного актера.

В. СТАРОДУБЦЕВ,
Фото В. КОСТЫШИНА.